

9 ФЕВ 1980

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Квартира народной артистки СССР Фаины Георгиевны Раневской обставлена скромно. Но есть здесь высокие, под потолок, растения в кадках, полки со множеством книг, которые хозяйка постоянно раздаривает. А на стене — фотографии Анны Ахматовой, Галины Улановой, Василия Качалова с надписями, полными любви, признательности, восхищения. Автограф Дмитрия Шостаковича закрыт полоской бумаги.

— Он обо мне очень хорошо написал. Неловко показывать, — объясняет Раневская.

Портретов самой актрисы в квартире нет: Фаина Георгиевна — человек удивительной скромности. Это качество в ней, как выясняется в разговоре, доходит до застенчивости:

— Боюсь играть страшно! А на сцене — более шестидесяти лет. И все боюсь...

О ее ролях (их число приближается к трем сотням) рассказано много.

Но актриса говорит о себе и своих работах мало, скуп. Даже получить от нее согласие на беседу оказалось делом непростым. А уж интервью вышло вовсе необычным: не пришлось задавать вопросы. Фаина Георгиевна

встретила меня с исписанными четким почерком страницами в руках:

— Ответы уже готовы. А вопросы придумаете...

Но и вопросы она подсказывала, и то и дело отвлекалась от них, дополняя собственный рассказ яркими и живыми деталями.

— Ваше самое яркое театральное впечатление?

— К. С. Станиславский-актер был моим потрясением. До конца дней буду его вспоминать — а видела более полувека назад. Особенно «вышелся» его Крутицкий из комедии «На всякого мудреца довольно простоты». Систему Станиславского не знаю, книга же его «Моя жизнь в искусстве» — всегда со мной.

Художественный театр того времени был моим учителем, там все было чудом. Навсегда в памяти О. Книппер-Чехова, М. Лилина, В. Качалов, И. Москвин, М. Тарханов, Н. Массалитинов, А. Леонидов. Благодаря знакомству с Качаловым, перешедшему с годами в крепкую дружбу, пересмотрела много раз спектакли МХАТа моей молодости — лучшего из лучших театров мира. Все поименованные мною актеры были как бы моими учителями.

Великим счастьем стала дружба с Василием Ивановичем Качаловым. Я любила его нежно и крепко — и как артиста, и как личность. За долгую жизнь не знала такой человечности, доброты, прелести, какие являл собой Качалов.

— А со Станиславским вы встречались?

— Один раз в жизни. Я перешла Леонтьевский переулок, где он жил, и увидела седую голову Константина Сергеевича — он ехал на извозчике. От неожиданности в транс закричала: «Мальчик мой дорогой!». Он расхохотался, кивнул мне и послал воздушный поцелуй. Родилась я в конце прошлого века, обмороки были еще в моде — и я широко этим пользовалась. После воздушного поцелуя моего божества я, естественно, поспешила упасть в обморок...

— Кто был вашим театральным педагогом?

— В театральную школу я не была принята по неспособности. Педагогом, сделавшим меня актрисой, была известная в то время артистка Павла Леонтьевна Вульф — человек необыкновенной доброты. Она стала со мной работать, устроила в театр в Крыму, куда была приг-

лашена на гастроли. Ученица прославленного артиста В. Давыдова, друг В. Комиссаржевской, она преподавала мне то, что узнала от своих учителей. Лучшие традиции театра стали мне дороги, а все, что связано с карьеризмом, саморекламой, чуждо.

— Что радует вас в театре?

— Люблю талантливых людей. Очень рада привлечению к работе в наш Театр имени Моссовета артистов Н. Теняковой и С. Юрского.

Сейчас начинаем репетировать комедию любимого моего драматурга А. Островского «Правда — хорошо, а счастье лучше». Я здесь занята в роли Филицаты.

А самыми моими любимыми были роли в пьесах Чехова.

Недавно сыграла двухсотый спектакль «Дальше — тишина» — и все двести раз были для меня волнующими, как премьеры.

— Каковы ваши «нетеатральные» привязанности?

— Конечно же, Пушкин. Я не расстанусь с ним и не перестану удивляться его гению. Пушкин — это непостижимое чудо и... мой главный режиссер. Помните, Лаура в «Каменном госте»:

Я вольно предавалась
вдохновенью,
Слова лились, как будто их
рождала
Не память рабская, но
сердце...

А как прекрасно о нем сказала Анна Андреевна Ахматова...

И Фаина Георгиевна читает ахматовские стихи, рассказывает о дружбе с ней и нескончаемых разговорах о Пушкине.

Она вспоминает о встречах с теми, на кого ей «повезло» в жизни. С Дмитрием Шостаковичем: «Когда он входил в комнату, в ней становилось светлее...». С балериной Екатериной Гельцер: «Она была чудо, она была гений...». С Владимиром Маяковским, Мариной Цветаевой, Максимимилианом Волошиным, Борисом Пастернаком...

И понимаешь, что для Раневской эта беседа — лишь повод, чтобы добрым словом вспомнить дорогих сердцу людей.

А потом Фаина Георгиевна угощает бутербродами и кофе в кухне, куда вслед за хозяйкой спешит лохматый пес-дворняга по кличке Мальчик. Он попал когда-то в эту квартиру с перебитыми лапами и бесконечно предан выходившей его Раневской.

— Люблю животных, — признается Фаина Георгиевна. — Люблю природу. Люблю зеленые цветы. Жизнь в цвету...

Т. ИСКАНЦЕВА.